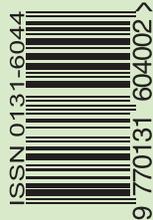

18+

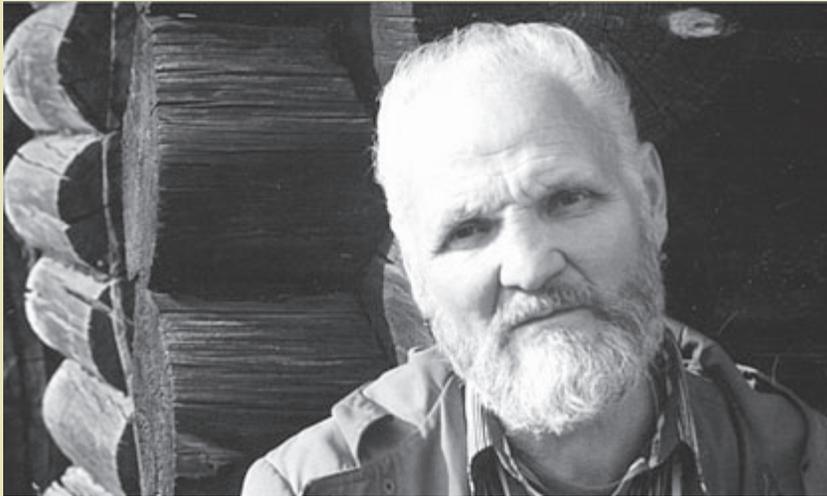
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №11 ГАЗЕТА

Владимир Крупин / Зачет по последнему

Владимир КРУПИН Слово о Герценке

Необъяснимо родное и сердечное в самом этом слове — Герценка. Мне кажется, уже давно никто не отождествляет это слово с Герценом, слово живёт своей жизнью. Именно живёт! Герценка. как сердце в человеке, бьётся в центре духовной жизни Вятского края.

По себе чувствую магнитность библиотеки. Подхожу к ней — и невольно ускоряются шаги. Вот сейчас войду под её высокие своды, увижу родных людей. Вспомню и тех, кто уже далече, и, прежде всего, Виктора Георгиевича Шумихина и Евгения Дмитриевича Петряева. Вспомню первое своё здесь выступление осенью 1974 года. Потом были многие и многие десятки и других, но то волнение, то ощущение, что именно здесь мои лучшие читатели, тогда навсегда вошло в сознание.

Жизнь долгая, всё бывало. Нет пророка в своём Отечестве, это навсегда сказано. И самые болезненные огорчения доставались мне от любимых вятчан-вятчиц. Но ведь и самые сильные, радостные, тоже от них.

В чём объяснение духовной силы и мощи Герценки? Она стоит на скальном основании накопленных за века книжных богатств. Помню, мы с Виктором Георгиевичем нисходили по ступеням лестницы с первого этажа в хранилища. Боже ты мой, какое там богатство! Сохранённое теперь уже во многом безвестными подвижниками библиотеки. Прошедшее через решета проверок, цензур, приговорённое часто к уничтожению богатство это, как самородное золото, год от года повышается в цене. Особенно в памятниках письменности. Если в науке, технике мы можем надеяться на какое-то продвижение вперёд, то в словесности мы всегда будем го-

Эта книга о давней и верной дружбе Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена с одним из самых талантливых, мудрых её читателей — с Владимиром Николаевичем Крупиным — известным русским писателем. Герценка со времён литературной молодости стала для него домом, к которому всегда тянулась его душа. Под её пальмами проходили встречи с читателями, всегда многолюдные и запоминающиеся. Многие и сегодня благодарно вспоминают о том, что именно его писательское слово, всегда живое, выразительное, согретое искренним и глубоким чувством, разбудило душу, заставило задуматься не над сиюминутными, а над вечными проблемами.

В Герценке Владимир Николаевич нашёл преданных друзей, оказавших влияние на его личностное и литературное становление. Они верили, что ему суждено сказать в нашей литературе своё слово с особой, присущей только ему, внутренней интонацией. Неудивительно, что все публикации Владимира Николаевича в Герценке встречали с искренним интересом и радостью за то, что о главном и важном для всех говорит наш вятский писатель. Все его книги, от самой первой и до последней, открывала читателям именно наша

библиотека. При её непосредственном участии были изданы некоторые из них. И Владимир Николаевич отвечал Герценке искренней и преданной любовью. За долгие годы дружбы родилось внутреннее творческое единение, подарившее библиотеке и её читателям радость духовного общения: через книги В. Н. Крупина. через встречи с ним и его друзьями, которыми он всегда щедро делился. И неудивительно, что на страницах книги его вятские друзья и читатели воздали любовью за любовь и ему, и Герценке.

Наталья ЗЛЫГОСТЕВА

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:

Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

В оформлении обложки

использованы
фотографии
Анатолия Заболоцкого

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»

принадлежат
ООО «Роман-газета»

© ООО «Роман-газета», 2023
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2023 № 11 /1928/ Основана в 1927 г.

Владимир Крупин

Зачет по последнему

Громкая читка

Есть в жизни счастье

Иду по набережной Ялты и сразу представляю: да, вот тут гуляла уехавшая от мужа дама с собачкой, и тут встретил её уехавший от жены Гуров. Реально гуляли, даже в этом не сомневаешься. Хотя ирреальны, выдуманы, сочинены. Нет, в том и штука — живые. Как иначе: имеют имя. А оно даётся при крещении. Не крещёные? Тогда как им умирать? А они не умрут: им Чехов безсмертие дал. А кто он такой, чтобы людьми распоряжаться? Он писатель.

А писателей в Ялте всегда много. В знаменитом ялтинском Доме творчества. Туда я попал в самом начале 70-х годов прошлого века. А вроде так недавно, но так радостно и ярко помнится. А как получилось: помог очень знаменитый тогда писатель Владимир Тендряков, земляк. Я работал редактором в издательстве «Современник», и мне досталась для редактирования его книга. Редактировать знаменитого Тендрякова? Смешно! Я даже робел перед ним, но после первых встреч увидел, что он прост в общении, даже с юмором. Я осмелился показать ему свои рассказы, составлял первую книгу. Владимир Фёдорович их прочёл и сам вызвался написать предисловие. Он-то и предложил вместе поехать в Ялту. Хотя формально я не мог претендовать на путёвку в Дом творчества: не член Союза писателей. Но его жена, красавица Наталья Григорьевна, всё прекрасно устроила.

И вот — в руках у меня путёвка, на работе выпросил отпуск. Купил билет и через три дня после Тендряковых оказался в Крыму. От вокзала Симферополя троллейбусом до Ялты, там, от остановки поднялся по восхитительной змеобразной дороге среди всюю цветущей зелени, и предо мной предел мечтаний — Дом творчества.

В регистратуре спросил о Тендряковых. Да, здесь, на втором этаже. Он каждое утро бегаёт к морю. Оказывается, они говорили им обо мне. Что приеду, что мне уже выделено место жительства. Не апартаменты, а служебная комната с маленьким

окном, выходящим во двор. Кровати нет, только диван. Но это для меня был такой восторг! Стол есть. Чего ещё писателю нужно: голову с собой привёз, не забыл.

В комнате громко работало радио. «Мицно время двенадцать годин, двадцать хвилин», — услышал я. А вскоре радио поведало, что «погода буде хмарна, без опадив». Радио, чтоб не мешало, выключил.

Прежний житель этого помещения, сантехник, высокий и белокурый, был первым моим знакомым в Доме творчества. Он особо со мной не церемонился, да и я с ним.

— Александр, — сказал он, — с утра Сашкой звали. А здесь вообще Сашок. Сашок и Сашок. А уже тридцать пять. А за что тебя сюда загнали? Со мной сравнивали. За меня не переживай, у меня в городе комната в коммуналке. Тут иногда падал на пересыпку. Но ты разрешишь иногда зайти, пересидеть полчасика?

В дверь постучала и вошла дежурная:

— Сашок, на тебя заявка. С кухни. Позвоню, что уже идёшь, — и исчезла.

— Беру под козырёк, — отвечал он ей, а мне добавил: — Что б у них было, когда бы не было меня. И солнце б не вставало. Иду! — Потянулся. — Эх, не пора ли нам, пора делать то же, что вчера. — И мне: — Принимаешь? Вечером посидим? А? Земля! Душа винтом! Тут у меня и стакан свой персональный. И один запасной. Пользуйся. Не давай им простаивать.

— Ни в коем случае, — твёрдо ответил я. — Я приехал работать!

— А кто не даёт, работай. Но и жить надо. А то жизнь пройдёт, и жизни не заметишь. Работа! С работы кони дохнут. Молодой, успеешь нагорбатиться.

— Ни за что! Я с таким трудом вырвал отпуск, не соблазняй.

— Ну, смотри, а я, как пионер, всегда готов.

Творческий режим

Конечно, хотелось скорее увидеть наставника, как я про себя называл Тендрякова, но не посмел беспокоить. Я уже знал, что он человек железной дисциплины. Несомненно, работает. Он сам перед обедом меня нашёл. Осмотрел мою келью, проверил, есть ли в кране вода, одобрительно глянул на стол, на котором я уже поставил пишущую машинку, разложил бумаги.

— Всё! Жить можно! Идём обедать. Место тебе мы заняли, сидим за одним столом. Втроём. Я четвёртого просил не подсаживать: лишние разговоры.

На крыльце ждала Наталия Григорьевна. С Владимиром Фёдоровичем исключительно все здоровались. В том числе и знаменитости, известные мне по книгам. Но он особо в разговоры не вступал. Приш-

ли по дорожкам меж цветников из главного корпуса в обеденный. Просторный обеденный зал ресторана был полнёхонек. Приятная музыка звучала поверх разговоров, звяканья ложек и вилок.

Во время обеда Владимир Фёдорович объявил мне мои обязанности:

— Ни с кем не останавливайся, в разговорах не вязни, никаких шахмат, никакого биллиарда, никакого трёпа, никакого всякого остального! Позавтракал — бегом за стол! Краткая прогулка — опять за стол! Пообедал — спать на час-полтора: кровь после обеда должна быть в желудке, а не в голове. Проснулся — за стол! Только так! Каждый вечер тут кино, фильмы возят с закрытых показов, но не увлекайся, ничего это не даёт. Ну, увидишь постели, драки, и что?

— Володя, — вставила слово Наталия Григорьевна, — сегодня «Гений дзюдо».

— Да, это надо, — согласился Владимир Фёдорович, — увидишь, как победы достаются. И — никакого любования морем: не курортник — ломовая лошадь. Но с утра, — он назидательно вознёс указательный палец, — до завтрака бежим к морю и заплываем. Бархатный сезон. То, что умеешь плавать, не сомневаюсь: ты парень вятский.

— Володя, — попробовала остановить его жена, — через неделю ноябрь. Это ты такой ненормальный, а ему зачем?

— Тоже для работы, — хладнокровно отвечал мой наставник. — Да, и ещё: питайся, как следует, здесь кормят от пуза...

— Володя!

— А что, неправда? Тут осенью самый цвет из всех республик, сплошные ходячие памятники. Номенклатура. В общем, налегай на калории. Надо голову питать. От писательства устаёшь больше, чем от физической работы. Там землю покопал, лес повалил, шпалы поукладывал, на тракторе посидел — поел и спать. И голова свободна. У нас она работает даже не в две-три смены, круглосуточно. Или у тебя не так? Ты ночью вскакиваешь что-нибудь записать? Да? Тогда всё в порядке. И вскакиваешь, и просыпаешься уставший. Вот почему надо взбадривать себя купанием и поддерживать питанием. Значит, так. Заканчиваю инструкцию: в шесть пятнадцать ты одет, обут, хотя можешь и босиком бежать...

— Володя!

— Одет, обут, уже в плавках, сухие трусы и полотенце под мышкой, стоишь у выхода. Через секунду я выскакиваю и, ни слова не говоря, с места бегом к морю, к водным процедурам. Молча. Каждый думает о том, на чём вчера закончил работу и о том, с чего сегодня начнёт продолжать. Выдыхать носом, выдыхать ртом. Не уставать, не отдыхать. Прибежали — сразу в воду. Заплыли — выплыли, растёрлись — обратно. Если за мной не будешь успе-

вать — ничего страшного, отставай, придёшь один: дорогу знаешь. На завтраке два-три слова и — по коням! Ни с кем не разговаривай, знакомств не заводи. А то классики любят при себе молодых держать. Чтоб их жён на прогулку выводить, да для них за мороженым бегать.

— Володя!

— Всё! — скомандовал учитель. — Иди! Садись за стол! Не пишется, всё равно сиди. Не смей из-за стола вставать. Дверь не закрывай, ибо могу прийти проверить, работаешь или нет.

Что было возразить? Конечно, он никогда не проверял и ни о чём не спрашивал. А Наталия Григорьевна, чувствуя мои страдания, утешала:

— В следующий раз приезжайте с женой. И всё пойдёт. А в Москве приходите с ней к нам на её выучку. Писательская жена — это жена самая страдающая. Писателю, когда он работает, всегда ни до кого. Дело писательской жены — не мешать мужу, скрываться с его глаз. Но в нужное время быть рядом.

Второй знакомый

Пошёл в свой однооконный рабочий кабинет. И тут же нарушил запрет учителя — ни с кем не знакомиться. Меня перехватил писатель из западной Сибири. Сергей. Старше меня, уже с книгами, уже член Союза писателей. Поджарый, энергичный.

Сразу, сходу попросил меня взять на редактирование его рукопись.

— Давай на ты, чего там церемониться: одно дело делаем. Прошу: веди мою книгу. Я бабам не очень верю. Они как корректорши — это неплохо, а когда лезут в текст, так прямо как в душу. Да они все у вас там в издательстве городские, причём блатные, дочери всяких секретарей Союза писателей. Разве не так? Что они, голодали, что ли, со мной в моём детстве? Чего понимают в жизни? Жили с пайками, не мёрзли.

Этот Сергей знал про моё издательство больше, чем я. Это вообще присуще провинциалам. Сплетни и новости московские им более, чем москвичам, всегда ведомы. Так что, уехав из Москвы, попал я на московские разговоры. На мою беду этот Серёжа приехал в Ялту ещё и с капитальцем. Откуда денешки, не скрывал.

— Я пробил договор под соцзаказ. Аванец приличный. Так что пора пропивать. Помогай! Ты первый день? Я неделю уже, тут выпить не с кем. Сам с собой понемногу поддаю. Тут всё гении ходят, сплошь супер-классики. За версту величием тянет.

— А с этим сантехником не пил? Сашок.

— Да как-то в рассуждение даже не брал. А о чём с ним говорить? Знаешь ведь анекдот: двое ловят третьего, взяли штуку, расплескали. Третий утёрся, говорит: Ну, всё, парни, побегал. — Куда? — А по-

говорить? Пьём-то ведь не для пьянства, для общения. О, слушай, пока не забыл. Про второй фронт. Они же, Черчилль и Рузвельт, разве нас любили? Жди! Ненавидели. Дождёшься от них. Выжидали, кто кого свалит. Только после Сталинграда сообразили, что и без них обойдёмся, стали шевелиться. А до этого вот анекдот. Фронтовой. «Ну, как там второй фронт?» — Да вроде немножко прочерчиллется. Но пока всё безрузвельтивно». Вот русский язык. Только нам и понятно. А расскажи китайцу, не поймёт. Японцу там.

И слопал у меня этот Серёжа часа полтора. И спросить было неудобно, зачем он в Дом творчества приехал. Анекдоты травить? Знал он их массу. И знал, например, что Председатель Правления Союза писателей России Леонид Соболев часто ходил к Хрущёву, и тот всегда ждал его со свежими анекдотами.

— Ну, однажды он Никите не угодил. Тогда же был лозунг «Догоним и перегоним Америку» по всяким показателям.

— Да, — поддержал я, — на токарном станке работал, назывался ДИП-200, то есть догоним и перегоним.

— Ну, вот именно. А Никите говорят: «Догнать можно, перегонять нельзя». — «Почему?» — «Голую задницу увидят». А в бильярд сгоняем?

— Серёжа, не могу. Мне надо ещё на почту. Домой позвонить. .

— Я с тобой. Тоже давно не звонил. Тут, я покажу, по дороге к морю, не доходя до бульвара, есть автомат. А рядом газетный киоск, деньги меняют. Телефон и в Доме творчества есть. Но он занят постоянно. Ты послушай их разговоры: Сёмочка, не забывай гаммы, Сёмочка, не забывай тёплый шарфик. Сёмочка, ты помнишь свою бабушку?

Что ты будешь делать? Пошли звонить. По дороге он ещё угощал анекдотами, в основном, «чапаевскими».

— Василий Иванович, — говорит Петька, — белого в плен взяли. Знаешь, как я его пытал? — Как? — Вечером напоил вусмерть, утром опохмелиться не дал. — Садист ты, Петька. Да, вот тебе политический: Ленин показал, как надо управлять государством, Сталин показал, как не надо, Хрущёв показал, что государством управлять может каждый, Брежнев показал, что государством можно вообще не управлять.

Позвонил домой. У них холодно. Отопление пока не включили. Дочка простыла, сидит дома. «О нас не беспокойся, — сказала жена, — у нас всё хорошо. Работай».

Серёжа пошёл в «разливаху», уличную пивную, но не пивом торгующую, а вином в разлив.

— Ленин в разливе. Помнишь такую картину? Там с ним Зиновьев был, говоря по-русски, Апфельбаум.

Выше уровня моря

В общем, я вернулся в свою комнату, сел за стол и понял, что не напишу ни строчки. Даже не из-за Сергея. Что-то не пошло у меня. Может, оттого, что встретились несколько знаменитостей. И пришлось поздороваться. Тут уже я сам вспомнил, не анекдот, а историческую быль: Павел I пригласил Державина на приём в дворцовую библиотеку и, указывая на бесчисленные шкафы с книгами, сказал: «Вот ведь Гавриил Романович, сколько уже написано, а всё пишут и пишут». Что Державин ответил, не знаю. Наверное, вроде того, что: «Они ничего другого делать не умеют».

И я решил посетить библиотеку Дома творчества. Это и Владимир Фёдорович не запретит. В библиотеке не было никого. Ну, конечно, позавтракали творцы, сидят, молотят. А их продукция, вот она. Огромный отдел книг с автографами бывавших здесь писателей и поэтов. Подумал: может, когда и моя книга тут будет? И тут же, охлаждая сию мечту, высветился вопрос: «И что это изменит?» Эти сотни томов, толстых и тонких, что изменили? Тоже, небось, дерзали вразумить человечество.

Походил по территории, вышел за неё, поднялся повыше. Долго искал точку, с которой пространство было бы ничем не закрыто — всё сплошь выросли деревья и кустарников. Поднялся к огромной крымской сосне, я её издали заметил. У меня в Вятке соснам нет такого простора, чтобы совершенно, не думая о других, распространять свои ветви, занимая ими свет и воздух. Там сосны как свечи. И называются они корабельными. А эта сосна, развалистая, разлапистая, других к себе не подпускает. А какие шишки на ней, ближе к вершине, открылись. Тут же решил обязательно сорвать одну на память.

Лазить по деревьям — дело знакомое. Покарабкался. Конечно, посадил на рубахе и на брюках пятна смолы. Ладно, не на танцы ходить. Сверху всё более открывался морской горизонт. И расширялся обзор на горы, которые казались всё выше, а море отодвигалось, распахивалось и тоже вздымалось.

А огромные шишки росли не у ствола, а на концах ветвей. Хотя ветви были толстенные, появилось опасение, что они подо мной хрустнут. Но будь что будет. Решился. Выбрал одну, толстую, крепкую на взгляд, и пополз по ней. Ветвь покачивалась, но держала. Желанная шишка близилась. Я поглядывал вдаль, на корабли и лодки, и вдруг взглянул вниз — даже голову крутануло: как же я высоко! Передохнул. Стал откручивать шишку, будто отлитую из бронзы. Пока откручивал, решил сегодня же послать её дочери. Смолистый запах убьёт простудные бактерии, дочка выздоровеет. Да и полюбуется.

Открутил, засунул под рубаху. Полез обратно. Пятиться, потом ползти вдоль ствола вниз было труднее. Но справился.

Зашёл в номер, взял деньги и отправился вниз, на почту. По дороге набрал ещё ягодок с шиповника, мелких ярких цветочков, веточку можжевельника. На почте купил коробочку, всё её уложил, черкнул записку, закрыл. Когда коробочку завернули в белую бумагу, написал на ней адрес. Коробочку взвесили и присоединили к другим посылкам. Моя была самая маленькая.

И ещё, не утерпел, пошёл к телефону, по которому недавно звонил. И дозвонился, и услышал родные голоса. «Не звони, не волнуйся, не трать деньги, у нас всё хорошо».

Прошёл по набережной. И — смешно — увидел нескольких дам с собачками. Вот как литература заразительна. Ходили же в Петрограде блоковские «незнакомки» с чёрной розой в волосах. Утверждали, что это именно они и есть.

Вернулся в Дом творчества. Время обеда. И обед прошёл. Владимир Фёдорович ни о чём не расспрашивал. Видно было: весь в работе. В номере я даже за стол не сел. Лёг спать. И спал до ужина.

А потом пошёл в кино. Гений дзюдо меня мало утешил. Только и запомнилось, как он учился у кошки становиться на ноги. Он берёт кошку за четыре лапы, поднимает и отпускает. Она в воздухе ловко переворачивается и приземляется на все четыре. И песня лезла в голову, жалостливая из другого фильма: «У кошки четыре ноги, позади у неё длинный хвост. Но трогать её не моги за её малый рост, малый рост».

Всё по расписанию

И потекли «творческие» дни. Утро. Бежим к морю. Молча. Прибегаем. На весь берег мы одни такие ненормальные. На нас даже смотреть приходят. Уже они в куртках и осенних пальто.

Наставник учит:

— Разделся — не сидеть: вспотеешь, может просквозить. В воду! Сразу! Сколько можешь, проплыви. Обратное. Растирайся до красноты. Оделись — сразу бежать. Смотри, дышишь плохо, неровно. Дыхалку тренируй. Вдыхаешь носом: раз-два-три-четыре, выдыхаешь ртом: раз-два. В армии гоняли?

— Ещё бы.

— Здоровье для писателя — первое дело. Чего ты напишешь, когда весь в соплях. Ну, побежали.

И обратно молча бежим. Конечно, медленнее: в гору.

Там завтрак, там тупое сидение за столом. То, что собирався делать, стало почему-то неинтересным. Привёз и заготовки, черновики. Перебираю — ничего не хочется доводить до ума. Одно дело делал — три

дня читал и писал рецензии на привезённые чужие рукописи. Крепко забил голову текстами о рабочем классе и колхозном крестьянстве. А также о счастье прихода в Россию революции. Что делать — это мой заработок. Отсылал их бандеролью в издательство. Звонил, конечно, домой. Жена жалела, что много прозваниваю. Но я без их голосов не мог. Посылочку мою они, к моей радости, через два дня получили. Шишка крымской сосны стала украшением стола на кухне. Этот факт я лично сам рассказал «своей» соне, к которой полюбил подниматься.

Но — хоть стреляйся — не писалось. Для настройки на работу перечитал, сидя у сосны, «Капитанскую дочку». Ничего не настраивалось, только понял своё ничтожество.

Ходил по набережной. Поднимался по канатной дороге на самый верх над городом. Уходил повыше, находил место потише, дышал простором. К обеду воздух горячел, осенние, предзимние травы напоследок оставляли о себе память наркотическим запахом. Посещал и библиотеку, там всегда никого не было. Спокойно, светло, много окон. Пролистывал книги с автографами авторов, написанные именно здесь. Ну, так-то, как они, может, и напишу, но за чем, если только так?

Владимир Фёдорович сидел в своём номере безвылазно. Вечером они уходили гулять. Иногда и меня приглашали. Он тогда писал повесть «Ночь после выпуска». И ещё статью для «Правды» о бригадном подряде. Его возмущало, что бригады южных людей: армян, молдаван, гуцулов — перебивают заказы у местных мастеров на строительство. А начальство местное нанимает приезжих, оправдывая это тем, что приезжие работают быстрее. Всё так, но у местных ещё и свой дом, домашнее хозяйство, дети. А платят им меньше, чем приезжим. Почему? Те работают аккордно, по договору, у местных зарплата или трудодни. Как ни работай, больше не заплатят. А ещё в минусе то, что приезжие могут и подхалтурить, где-то понебрежничать, для скорости могут, как выражаются строители, шурупы не ввинчивать, а заколачивать как гвозди. Сверху глядеть — красиво, а внутри разорванная резьбой древесина, удобная для загнивания. Много всего. Стены кирпичные кладут, торопятся, экономят. Кладут в один кирпич, да не в горизонтальный, в вертикальный, другой ряд, параллельно, так же, а пустоту засыпают чем угодно. Разве сохранит тепло такая стена?

Это мы с ним, как люди сельские, знали досконально и обсуждали со знанием дела. Он вообще считал, что аккордная оплата труда поможет поднять колхозы.

— Почему же не свои зарабатывают? — возмущался Владимир Фёдорович.

Утренние пробежки соблюдались неукоснительно. Дождь не дождь — бежим. Однажды утром с на-

ми побежал и Сергей. Но только один раз. На берегу сказал, что в воду не пойдёт, у него от холода сводит икроножные мышцы. Потом, когда вместе шли на завтрак, объяснил:

— Я эту группу икроножных мышц надорвал, когда занимался бегом на короткие дистанции. Я спринтер, — объяснил он, — человек рывка. А тут надо стайером быть. Я и пишу так. С низкого старта резко, и пошёл-пошёл до финишной ленточки. Я тут, тебя ещё не было, повестушку намахал за неделю. Прямо на машинке настучал. Там, у себя, я тебе рассказывал, соцзаказ через обком выбил. Лозунг «Всем классом на ферму!» Поддержка призыва партии. То есть выпускники не в институты едут поступать, а остаются в колхозе. Тут и сюжет. Одна девчонка у меня говорит: «А я хочу врачом быть». А парторг: «Кто же тогда будет поднимать отстающие колхозы? — И так ей отечески: — Ты всё успеешь, ещё молодая, поработай для познания жизни два года». А в городе идёт движение: «Всем классом на завод!» Там другие проблемы: борьба сознательной молодёжи со стилистами, фарцовщиками.

— А ты напиши ещё: «Всем классом в литературу!»

— Ладно, не поддевай, — отмахнулся он, — я ж только для заработка. Для души я тоже делаю, давно строгаю одну вещь, но, — он постучал костяшками пальцев по перилам крыльца, — тьфу-тьфу, не сглазить, не буду разглашать.

Катание шаров

После завтрака он всё-таки затащил меня в пустую биллиардную. И я согласился сгонять партию. Проклинал себя: нарушаю запрет учителя, но и оправдывался перед собой: всё равно же не пишется. И надо же акклиматизироваться.

Сергей меня, конечно, обстучал. Хотя к концу партии мои руки и глаза, наверное, вспомнили, как, бывало, игрывал в клубе нашей части, пару-тройку «чужаков» от двух бортов в среднюю лузу вогнал. Что называется, разогрелся. И сам предложил:

— Давай ещё одну.

Уж очень хороши были здесь шары, медово-жёлтые, из слоновой кости, стукали друг о друга как-то по-особому, не звонко и не глухо, а чётко, как будто команду отдавали. Армейские были так избиты, с такими выщербинами, и так самостоятельны, что сами решали, куда им двигаться после пинка кием, могли и свернуть от приказанного направления.

Во время второй партии Сергей доверил мне свою заветную мечту: переехать в Москву. Мечта эта была вполне осуществима. Надо жениться на москвичке.

— Смотри, — сказал он, — ты этих писателей всех знаешь, даже фамилий не буду называть. Они

там у себя, в областях, делали первые шаги, чего-то добивались, в Союз вступали, потом с женами разводились, а в Москве женились. Из Петрозаводска, из Архангельска, из Оренбурга, Барнаула, Иркутска, Кургана, Кирова... Да ты их знаешь. И дела у них пошли. Даже не от того, что ближе к кормушке, в Москве же общение, жизнь кипит. В провинции задохнёшься, я тебе говорю. Болото. А вражда! Десять членов союза — три партии. Вон и у Чехова сёстры кричат: «В Москву, в Москву!». Я зимой путёвку в Переделкино возьму. Там близко ездить до центра на электричке. У меня и намётки есть. Пару редакторш присмотрел. Они, я по глазам чувствую, не против.

— Переспать с тобой?

— Нет, по-серьёзному. Да вот, хоть эта, которая у меня редактор. Немножко в годах, но годится.

— Ты же говорил: не хочешь, чтоб книгу баба вела.

— Так то книга. А тут жена.

— И квартира?

— И это надо. Или готовая, или кооператив.

— Но твоя-то жена как? — В этом месте я заколотил в угловую. И примеряясь к новому удару, заметил: — У меня все друзья женаты один раз. — Ударил. Промазал.

Сергей вытер тряпкой набелённые мелом пальцы.

— Понимаю. Тут же задаю ответные вопросы: А если женился по пьянке? А если дура оказалась? А если жить негде, коммуналка? Мне же писать надо! Если Бог талантом наградил, значит, надо реализовать. Так? Или не так? А если нет условий? Тёща сволочь, тесть пьёт и пилит. А она-то как пилит! До скрежета. А если загуляла? А если ребёнка не хочет?

— И это всё одна?

— Мало того: глухое непонимание, чем я занимаюсь. Ни во что не ставит. Напечатаюсь, показываю. Она: «А сколько заплатят?» Ты бы стал с такой жить?

— Так ведь и меня пилит. Если с парнями с гоночара выпью. А кого не пилит? Такая у них обязанность. Вчера перед кино случайно услышал, как этого, знаменитого, на втором, блатном этаже живёт, да знаешь, о ком говорю.

— Знаю. И что? Баба пилит? Так она у него третья. Я на второй остановлюсь. Только надо всё расчитать.

— А как же любовь?

— Любовь? А что важнее: любовь или литература? Искусство поглощает целиком. Меня крепко вразумил один матёрый, ты должен знать, Фёдор Александрович, говорит: «Ты хотел быть писателем?» — «Да». — «А зачем женился? А если женился, зачем ребёнок? Ты — писатель!» Но мне-то вначале надо в Москву переехать. Там решать. Нельзя время упускать, надо в литературу по уши, по макушку заворачиваться. Старичок! Жизнь одна!

Тут и он промазал. И воскликнул:

— Эх, хохол плачет, а жид скачет.

— Наоборот, — поправил я. — Жид плачет, хохол скачет. Знаешь ведь давнюю поговорку: — Где хохол прошёл, там евреям делать нечего.

Тут я благополучно и аккуратно закатил подряд три шарика и вышел в лидеры второй партии.

— Ещё? — раззадорился Сергей. — А? Третья, контрольная!

— Боюсь в разгон пойти, — отказался я. — Я человек заводной. Контрольную давай отложим. У тебя два тут срока пребывания, у меня один. Вообще давай считать, что ты победил.

Да, биллиард, с его сверкающими на зелёном бархате шарами, мог и затянуть. Да и все другие игры, в которых Сергей был мастер.

— А партиюку в шахматы, а?

— Я в них знаю только, что конь ходит буквой гэ.

— Я тоже так: е-два, е-два.

— Нет, шахматами не пренебрегай. Смотри, евреи далеко не дураки. Если им неохота землю пахать, стали умом зарабатывать. Чемпионы сплошь они. Карпов только резко возвысился, да ещё раньше Алёхин. Но шахматы — это комбинации, они комбинаторы. У них Остап Бендер икона.

Больше в биллиардную я не ходил. А партнёром Сергея стал старичок-драматург, Сергей звал его Яшей, известный, кстати, драматург, который кормился идущими в театрах на периферии «датскими» постановками. Датскими, потому что к датам: Новый год, Восьмое марта, Первомай, Октябрьская.

Но у них с Сергеем игры были на деньги.

— Я его заставлю платить, — говорил Сергей. — Ишь, устроился: шары катает, а ему денежки каплют. Или капают? Что в лоб, что по лбу. Евреи, где можно деньгу сшибить, тут они. Я в нашем областном театре делал инсценировку, ходил туда, читал им для труппы. Роли уже даже расписывали. И что? Конечно, не поставили. Они и знали, что не поставят. Это я, Ваня такой, меня легко обмануть. Нет, они чужих не кормят. Много ли русских ставят? Чуть-чуть Шукшина, да Вампилова перед смертью. Отомщу, обставлю. Яша силён. Запрещает по отчеству называть. Худой, вроде еле живой, а привык по Домам творчества ездить, везде же биллиарды, наблатыкался. Начали с рубля. Его, чувствую, затянуло. Пока я в минусе. Но это я его заманиваю.

Приглашение в сферы

Так как меня и в ресторане, и в кино видели всегда с Тендряковым, то и со мною стали здороваться. Вот интересно, властями Тендряков обласкан не был, а знаменитость его превышала многих со званиями и наградами. Что ни говори, а в писательском мире существует свой гамбургский счёт.

Сказал к тому, что ближе к середине срока мы шли с завтрака. И, что раньше не бывало, Владимир Фёдорович спросил:

— Ну как, идёт дело?

— Да трудновато, — в замешательстве ответил я.

— Это очень нормально. Иначе как? Надо, милый ты мой, сто раз перемучиться, пока пойдёт. Может, что считаешь нам с Наташей? Из готового?

— Ой, нет, ничего не готово, — я всерьёз испугался. И скрылся за авторитетом: — Хемингуэй писал о себе: «Я стал читать незаконченный рассказ, а ниже этого нельзя опуститься».

— Ладно, не опускайся, — засмеялся Владимир Фёдорович.

Тут нас тормознул классик одной из южных республик Иона Маркович. Он на завтраки не ходил, завтракал в номере. Ему персонально привозили продукты из его республики. В том числе и вино.

Раскланялись.

— Владимир Фёдорович, позвольте попросить вас о большом одолжении. — Посмотрел на меня, протянул руку. Я представился. Понятно, что он, при его известности, мог и не представляться. Он притворился, что слышал обо мне. — Владимир Фёдорович, мы на местах, у себя в республиках, конечно, отслеживаем настроения в Москве. И видим явные повороты в сторону поощрения фронтовой и деревенской темы. Астафьев, Ананьев, Кондратьев, Воробьёв, Бондарев, Бакланов, Быков, все на бэ, — улыбнулся он, — фронтовая плеяда, вы, Троепольский, Абрамов, из молодых Белов, Распутин, Лихоносов, Потанин, Личутин, Краснов, Екимов — деревенская смена фронтовиков, — это всё, так сказать, компасные стрелки генеральных линий. Очень правильно! Хватит нам этой хрущёвской показухи!

— Хватит, — весело согласился Владимир Фёдорович.

— Да! И особенно пленяет ваша смелость в изображении теневых сторон современности, нелицеприятный показ...

— Ладно, ладно! — прервал Владимир Фёдорович. — Чем могу служить?

— Видите, нас всегда вдохновляла русская литература.

— И что?

— Я ведь тоже из сельской местности. Не совсем. У меня отец партработник, так что жили в центре, но я часто бывал у бабушки и дедушки. Они держали гусят, и доверяли мне сопровождать их до речки...

— А в чём просьба? — опять перебил его Владимир Фёдорович. Я понимал, что ему не терпится сесть за стол.

— Короче говоря, я тоже решил писать в полную силу правды, ведь сколько мы пережили, надо успеть зафиксировать. Короче: послезавтра собираю близких людей, чтобы прочесть то, что пишу, и

попросить совета. И очень прошу удостоить честью. И вас, — адресовался он ко мне, — тоже. Послезавтра.

— А чего не сегодня, не завтра? — спросил Владимир Фёдорович.

— Но надо же подготовиться, заказать, чтобы привезли кое-что для дорогих гостей.

Так я, благодаря учителю, был приглашён в общество небожителей. Классик Иона Маркович перечислил званных: все сплошь знаменитости, плюс два главных редактора толстых журналов, плюс Герой войны, маринист. Плюс два критика, как без них.

Спецкурс критика

Одного критика я вскоре узнал лично. До этого знал заочно. Его все знали: со страниц не слезал. Писал, как о нём говорили, широкими мазками. Оперировал всякими амбивалентностями. И был до чрезвычайности смелым, ибо требовал от писателей смелости. Прямо Белинский нового времени.

Он сам, оказывается, что-то у меня прочёл, знал, что предисловие к моей первой книге написал Владимир Фёдорович, всё знал.

— Ты молодец, — похвалил он меня, — Молоток. Держись за Тендряка. Локомотив. Выгянет. На борьбе с религией пашет.

Конечно, он был уверен, что я взялся редактировать книгу Владимира Фёдоровича только для того, чтоб сорвать с него предисловие. Увы, в этом мире не верят в безкорыстие.

Критика звали Вениамин, Веня. Своё критическое кредо он изложил мне, поучая, как надо жить в мире литературы. Вообще, интересно: меня всегда все поучали. Может, я такое впечатление производил, недотёпистое. И в Ялте, ведь избегал разговоров, знакомств, а он меня отловил. Сам виноват: неосторожно пришёл в кино задолго до начала. Он взял меня под руку и, водя по дорожкам среди цветников, напористо вещал:

— Слушай сюда. У нас семинар Золотусский вёл, учил: чтобы вас заметили, надо быть смелым. А как? А так: не бояться ни званий, ни регалий того, о ком надо резать правду-матку. Чем знаменитей объект критики, тем заметней критик. Понял, да?

— А ты резал? Правду-матку. Или ещё не дорезал? — отшутился я.

— Тут не хиханьки-хаханьки. Тут борьба. Тут всякие приёмы годятся.

— То есть вольная борьба?

— Ещё какая.

— Какая?

— Вот у меня статья написана о старшем поколении, резкая, честная. Сколько можно этим старперам в литературе командовать: все должности за-

хватили, премии делят, карманных критиков лизоблюдов при себе держат, прикормили. Нет, так нельзя! Я режу: до каких пор? Вот в этом заезде два главных редактора, пузом вперёд. Я и того и другого в статье уел. Им не прочихаться. По благу у них всё. Свой круг авторов, свои акценты. А как прозаики они кто? Какого размера? Ну да, что-то было. Было — прошло. Пора место знать! О, эта статья надевает шуму. Я её ещё зимой в Малеевке начал, потом летом в Коктебеле продолжил. Сейчас доколотил. Но вот тут главное. Слушай. Если бы тут третий редактор был, я бы именно ему статью отдал. А тут они, оба, на кого я нападаю. Как поступить? Что я делаю? Учись. Вырезаю из статьи всю критику на того редактора, кому отдаю читать. Ему нравится, ещё бы, его не трогаю. Он говорит мне: «Ты молодец, правильно их отхлестал. Напечатаю. Но этот год у меня расписан, начало того тоже занято. Давай поставлю на март-апрель». На март-апрель, как тебе нравится? Ну?

— И что?

— Как, и что? Начало ноября сейчас. Полгода ждать.

— И что? Читать же не разучатся.

— Нет, юное дарование, ты ещё далёк от понимания процессов. Так вот, я благодарю его, а сам в рукопись обратно всю критику на него возвращаю, а вырезаю критику на другого редактора. И тоже отдаю читать. Читает. И тоже — довольнёхонек! Говорит: Веня, срочно в номер! Идёт в двенадцатом. Бомба!

— А как ты с первым-то будешь потом встречаться?

— Да никак! Начнёт меня поносить, я тут же реплику: господа, я в подковёрные игры не играю, живу с открытым забралом. Нет, старичок, пора нам валить этот дурдом в Союзе. Ты хорошо начал, не останавливайся, набирай очки. Я тебя по «Сельской молодёжи» заметил, Попцов молодец, тянет парней, заметил тебя, вы там с Прохановым начинали.

— Проханов раньше.

— Так он и постарше. Он будь здоров, парень моторный. О конфликте на Даманском крепко написал. Уже ему и страны мало, уже из Кампучии репортажи. Спецслужбы на него поставили. И ты смотри, будь зорче. Литература — это такое дело: слопают и костей не выплюнут. Это же шакалы.

— Кто?

— Писатели! Ты чего, под дурака косишь?

— Ну нет, тут я не согласен.

— Да пожалуйста, блажен, кто верует, веруй. Схлопочешь пару измен от заклятых друзей, поуменеешь. Литература, брат ты мой, круглый стол с острыми углами, не я первый сказал. Садятся за стол и локти пошире раздвигают, чтоб никто рядом не сел. Держись за меня, я сколачиваю поколение на смену мастодонтам. Готовлю прорыв. Уже и се-

минар веду в Литинституте. Ко мне молодые рвутся. Чувствуют, где направление главного удара. Ты давай, тоже начинай посещать. Я и Селезнёву помог из Краснодара переехать. Подтягиваю силы. Надо в стенку сбиваться. У них, смотри, всегда бригадный подряд, всё братья: братья Стругацкие, ну, эти ещё ничего, братья Вайнеры. А в критике с нашей стороны вообще завал. Не всё же нам на Лобанова, Лакшина, Ланшикова надеяться. Надо крепче врага теснить. Примерно как «Новый мир» и «Октябрь» сцеплялись. Кочетов молодец, но его количеством задавили.

К нам подошёл Сергей. Конечно, они-то были давно знакомы. Тем более критик Веня как раз был из тех, кто приехал в Москву из провинции, то есть мог Сергею пригодиться.

— Ареопаг в сборе, — заметил Веня.

Пошли. Но в вестибюле я отстал от ареопага и вернулся на улицу. Ходил по периметру Дома, потом зашёл в номер, собрал исписанные листки, поднялся к своей сосне и сидел до темноты.

Так уже бывало. Меня угнетало то, что живу тут в такой благодати, и не работаю. Просто ужасно — никакой продукции. Напишу строчку — зачеркну. Ещё напишу — ещё зачеркну. Доехал страничку — скомкал. Но не выбросил. Копил похеренное для прогулки к сосне. Там, на чистом местечке, сжигал свои черновики. Подкладывал сухих веточек, глядел на огонь.

И Сашок приходил

Ежедневно виделся и с Сашком. Он вообще был деликатен и, если заставал меня за столом, то тут же поворачивал. Если же я лежал на диване, а лежал я часто, то присаживался и развлекал. Все его истории были о теневой стороне жизни обитателей Дома творчества.

— Сою знаешь? Старшая официантка.

— Нет.

— Ну, увидишь. Из отпуска скоро придёт. Она и сейчас ещё очень ничего. А раньше вообще. Что ты! Королева красоты, цветок невинности! Идёшь вечером в город, её уже угощают в лучшем ресторане. Я ей как-то говорю: «Чего ж ты у себя-то не ужинаешь?» Говорит: «Я и с тобой могу поужинать. В состоянии? Веди». Смешно. Веди. На мои трудовые? Хотя и подкидывают, конечно, но ведь семья. А если чего другое надо, пожалуйста. Меня в любую постель заташат.

— В любую? Врёшь.

— Да, вру, — усмехнулся он. Налил и выпил. — И про Сою соврал, фантазия. Это я от обиды ляпнул — отринула. А этим женам чего? Мужья горбатятся, лысеют, а им что? Какие на веранде сидят, вяжут, какие языками плетут, какие на лежаках у моря.